

Представления о страхе Божьем в «Повести временных лет» и «Поучении» Владимира Мономаха

Светлана А. Борисова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sa-borisowa@yandex.ru*

Аннотация. Категория богобоязненности, несмотря на кажущуюся неизменность, имеет историческое измерение. В статье рассматриваются смысловое наполнение понятия «страх Божий» и связанные с ним представления, сохранившиеся в «Повести временных лет» и «Поучении» Владимира Мономаха. Автор статьи анализирует все сообщения, содержащие упоминания о богобоязненности в выбранных источниках, обращая особое внимание на контекст употребления выражения «страх Божий». В результате исследования было установлено, что в основном для сообщений о страхе Божьем летописец использует цитаты, прежде всего из источников сакрального характера. С их помощью книжник выражает свои представления о богобоязненности. Анализ источников показывает, что страх Божий скорее следует считать не эмоцией, а продолжительным состоянием или чувством, которое положительно влияло на весь образ жизни человека. Богобоязненность являлась результатом осознанного выбора и основой жизни благочестивого христианина. Кроме того, страх Божий сближался с состояниями трепета и радости, возникающими во время службы Господу. Особенно важной для летописца была связь страха Божьего и понятия мудрости, источником которой и считалась богобоязненность. Страх Божий представлялся основой познания, которое воспринималось как процесс постижения Бога.

Ключевые слова: страх Божий, представления о страхе, «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха, древнерусская книжность

Для цитирования: Борисова С.А. Представления о страхе Божьем в «Повести временных лет» и «Поучении» Владимира Мономаха // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 15–26. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-15-26

The notions about the Fear of God in the “Tale of Bygone Years” and the “Instruction” of Vladimir Monomakh

Svetlana A. Borisova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sa-borisova@yandex.ru*

The category of the Fear of God has changed over time despite its apparent immutability. The article discusses the semantics of the concept of the Fear of God and the notions associated with it, based on the “Tale of Bygone Years” and Vladimir Monomakh’s “Instruction”. The author of the article analyzes all mentions of “the Fear of God” in the selected sources, paying special attention to the context of the expression. The research has shown that, to describe the Fear of God, the chronicler mainly uses quotations, especially from sacred texts. With their help, the chronicler conveys his ideas about the studied category. The analysis of the sources reveals that the Fear of God should not be considered as an emotion, but as a long-term state or feeling that positively influenced the person’s way of life. The Fear of God was the result of a conscious choice and the basis for the life of a pious Christian. In addition, the Fear of God was close to the states of awe and joy that emerge during worship. Particularly important for the chronicler was the connection between the Fear of God and the concept of wisdom, which was believed to spring from the former. The Fear of God was the basis of knowledge perceived as a process of understanding God.

Keywords: Fear of God, notions about fear, the Tale of Bygone Years, Vladimir Monomakh’s Instruction, Old Russian book culture

For citation: Borisova, S.A. (2022), “The notions about the Fear of God in the ‘Tale of Bygone Years’ and the ‘Instruction’ of Vladimir Monomakh”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 15–26, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-15-26

Страх Божий – одна из основных христианских добродетелей, чрезвычайно важная и для человека древней Руси. Несмотря на кажущуюся смысловую стабильность, эта категория изменяется с течением времени. Так, европейские средневековые представления о страхе Божьем отличались от того, что мы подразумеваем под богобоязненностью в данный момент [Воскобойников 2014, с. 213]. Как понимал страх Божий древнерусский человек? Что он вкладывал в это понятие? Какими его аспектами руководствовался?

Исследователи уже задавались этими вопросами¹. Ю.В. Пустовойт определяет страх Божий как «благоговейный трепет перед величием Бога, основанный на вере в истину Его бытия» [Пустовойт 2017]. Истоки такого восприятия исследовательница видит в патристике. Л.П. Найденова подчеркивает сложность в трактовке понятия «страх Божий» на Руси XVI в. и предлагает следующее определение: «это выражение эквивалентно “истинной вере”» и «это широко распространенная формула, обозначающая неординарность и сакральность происходящего» [Найденова 2013, с. 43] (см. также [Найденова 2014]). Древнерусские представления о страхе Божьем нуждаются в дальнейшем исследовании для уточнения смысловых оттенков этого понятия и его более объемной характеристики. В связи с чем особенно актуально подробное изучение восприятия и толкования богобоязненности в рамках отдельно взятых древнерусских памятников.

Основным источником по истории домонгольской Руси является «Повесть временных лет» (ПВЛ), поэтому анализ сохранившихся в ней представлений становится особенно важным. В данной статье мы рассмотрим все упоминания страха Божьего в ПВЛ. Также мы будем учитывать данные «Поучения» Владимира Мономаха, которое входит в Лаврентьевский список ПВЛ.

Сначала рассмотрим упоминания о страхе Божьем, встречающиеся в составе цитат из источников, на которые опирался летописец. Впервые о богобоязненности говорится в статье 955 г., в рассказе о том, как Ольга «оучашеть (...) крѣтитисѧ»² Святослава. В этом сообщении летописец рассуждает об отношении язычников к христианству. Упоминание страха Божьего находится в конце рассматриваемого эпизода и характеризует тех, кто не следует христианской вере: «възненавидѣша бо прмдрѣсть . а страха Г҃сна не изволиша . ни хотяху моихъ внимати свѣтъ . подражаху же мои вбличенѧ»³ (здесь и далее курсив мой. – С. Б.). Эти слова являются цитатой из

¹Исследователи касаются понятия богобоязненности и в контексте более широких вопросов, рассматривают влияние страха Божьего на разные сферы жизни общества – например, на поведение человека [Адрианова-Перетц 1974], на отношение к власти и социальной иерархии [Антонов 2009; Антонов 2019], на внутренний мир женщины [Пушкарева 1997].

²Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Стб. 63.

³Там же.

первой главы книги Притчей Соломоновых⁴. Таким образом, страх Божий здесь связывается с понятием премудрости, сквозной темой анализируемого отрывка. Язычники, не боящиеся Господа, в представлении летописца лишены разума: «не смыслиша бо ни разумѣша во тѣмъ ходящии»⁵, «дѣлатели нечѣстивыхъ далече ѿ разума»⁶.

Это же сочетание темы премудрости, разума и страха Божьего прослеживается в последующих сюжетах. Оно содержится в иностранных рассуждениях летописца о пользе «учения книжного», которое дает человеку мудрость. В рассказе о просветительской деятельности Ярослава Владимировича летописец цитирует фрагменты из восьмой главы книги Притчей:

мдрѣть бо велика естъ . ѿкоже и Симонъ хвала е гл҃це . азъ прмдрѣть вселихъ . свѣтъ [и] разумъ и мысль . азъ призвахъ страхъ Г҃снь мои свѣти . моя мдрѣть . мое оутверженье . моя крѣпость . мною цр҃ве цр҃ствують . а силнии пишють правду . мною вельможа величаются . и мѣт҃ли держать землю . азъ любаша ма люблю . ищющи мене вбрацють [благодать]⁷.

В сообщении о распространении грамотности при Владимире Святославиче понятие мудрости не упоминается, но сам рассказ связан с данной темой, поскольку повествует об «учении книжном»:

тѣмже должни есмы работати Г҃сви . радующеса ѿму . реч бо Двѣ работайте Г҃сви съ страхомъ . и радуитеса ѿму съ трепетомъ⁸.

Это точно переданная цитата из Псалтири⁹. В еще одном рассказе, рассуждая о добродетельной жене, летописец связывает

⁴Притч. 1:29: «възненавидѣша бо прмѣрность . и страха Г҃на, не изволиша . Не хотаху бо внимати моихъ совѣтъ» (Острожская Библия. Острог, 1581. Л. 29об.).

⁵Лаврентьевская летопись... Стб. 63 (Пс. 81:5).

⁶Там же. Цитата из Радзивилловского и Московско-Академического списков (Притч. 13:20).

⁷Там же. Стб. 152. Ср.: «Азъ прмѣрность вселихъ совѣ и разумъ и смыслъ, азъ призвахъ . Страхъ Г҃нь ненавидитъ неправды, досажденїа же и гордыню и путїи лукавыхъ, възненавидѣхъ же азъ пути развращенныа злыхъ . Мои есѣ совѣтъ и оутвержѣние, моя мудрость моя же и крѣпость» (Притч. 8:12–13, 14–17; Острожская Библия. Л. 32). Как видно, летописец приводит данную цитату не полностью.

⁸Лаврентьевская летопись... Стб. 120.

⁹Пс. 2:11: «Работайте Г҃ви съ страхомъ, и радуитеса ему съ трепетомъ» (Острожская Библия. Л. 1).

ее разумность со страхом Божиим: «жена бо разумлива блгсвна есть. боѡзнь Гѣню¹⁰ бо всю да похвалить»¹¹. Источник цитаты – вновь книга Притчей¹².

Если обратиться к началу книги Притчей, из которой летописец позаимствовал три из четырех указанных нами цитат, становится ясно: страх Божий играет ключевую роль в обретении премудрости:

начало прм^дрости страхъ Гнь . разумъ же, блгѣ всѣмъ творачи^м ю .
Блговѣріе же въ Бѣ, и начала чювствіа . прм^дрость же и наказаніе, нече-
стивіи оуничіають¹³.

При этом понятие мудрости или премудрости, важное для христианского учения, значительно отличается от ее современного восприятия. В книге Притчей Премудрость персонифицирована и предстает в виде женщины. В книге Иова она находится вместе с Богом при сотворении мира. В Новом Завете премудрость воплощает в себе Христос. Мудрость – это высшая ценность для человека, что выражается ее сравнением с богатствами: «луче бо ту куповати, нежели злата и сребра сокровища»¹⁴. Мудрость является неотъемлемой частью повседневной жизни человека: «...в Книге Екклесиаста мудрость и ее награда принадлежат миру, где едят, пьют, работают, вступают в брак, управляют, валят лес, сажают растения и занимаются бизнесом. Книга Притчей охватывает еще больше сфер жизни, от земледелия и управления домом до профессиональной деятельности, финансов, секса и зубной боли»¹⁵.

¹⁰ Словосочетание «боѡзнь Господня» встречается в ПВЛ единственный раз. Во всех остальных случаях для обозначения богобоязненности используется лексема «страх». Интересно, что в Лаврентьевском списке слово «Господень» в приведенном отрывке не содержится, словно «боѡзнь» сама по себе подразумевает страх Божий. Вряд ли летописец случайно упустил упоминание о Боге. Другое объяснение может заключаться в том, что книжник считал страх женщины (в том числе перед мужем) в целом нормативным и добродетельным качеством и потому не написал исходное уточнение. Такое представление вполне в духе средневековых текстов о покорности добродетельных женщин и строптивости злых жен.

¹¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 81.

¹² Притч. 31:30: «Жена бо разумна блажена есть, боѡзнь же Гѣню сѣя да хвалить» (Острожская Библия. Л. 41).

¹³ Там же. Л. 29об. (Притч. 1:7).

¹⁴ Там же. Л. 30 (Притч. 3:14).

¹⁵ Словарь библейских образов / Под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхой-та, Т. Лонгмана III. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 639.

В древней Руси, согласно исследованию Т.И. Вендиной, мудростью именовалась как рассудительность, так и знание, наука, учение [Вендина 2002, с. 233]. При этом знания были «атрибутом Бога» [Вендина 2002, с. 233], а истинная вера, «вера премудрости», заключалась в богопознании [Вендина 2002, с. 232]. По словам Е.В. Дзюбы, в древней Руси

...сам процесс познания трактуется не столько как интеллектуальная процедура получения нового знания, как это представляется современному человеку, сколько как постижение Бога, постижение миропорядка, устроенного Богом [Дзюба 2010, с. 180].

В представлении древнерусского человека «только постигающий Бога считается умным»¹⁶ [Дзюба 2010, с. 179].

Таким образом, связь страха Божьего с мудростью была особенно важна для летописца. Иными словами, богобоязненность способствовала интеллектуальной деятельности того времени. Это пересечение разума и чувства может показаться необычным для современного человека, в представлении которого рациональное и эмоциональное зачастую противопоставлены. Однако наблюдения за древнерусскими лексемами показывают:

...для средневекового человека такого разделения не существует. Часто лексемы ум, разум, дух, душа, сердце... употребляются в роли синонимов, что говорит об отсутствии в сознании средневекового человека четких границ между интеллектуальной, этической и эмоциональной сферами [Дзюба 2010, с. 178].

Выделив основополагающую идею летописных представлений о страхе Божьем, уточним другие аспекты понимания богобоязненности в ПВЛ. Для этого вновь обратимся к указанным выше эпизодам, но сосредоточимся на других текстовых деталях. Во

¹⁶ Соответственно, язычники для летописца становились безумцами. Это противопоставление безумия и мудрости также неоднократно встречается в Книге Притчей и Книге Екклесиаста. Безумцы обречены на гибель (Притч. 5:23, 9:18, 14:12, 16:25), а мудрость способствует преуспеванию и благоденствию (Притч. 2:11, 3:2, 3:10; Еккл. 7:12, 10:10). Интересно также, что невежество делает человека трусливым: «страшива и некрѣпка дѣша бывають невѣжествомъ, а не иествствомъ» – говорится в «Пчеле» (Древняя русская Пчела по пергаменному списку / труд В. Семенова // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893. Т. 54. № 4. С. 42).

фрагменте «възненавидѣша бо прмдрѣть . а страха Гсѣа не изволиша» страх Божий сочетается с глаголом *изволити*. Он означает «захотеть, пожелать, предпочесть, выбрать, избрать»¹⁷. Следовательно, можно заключить, что страх Господень – это результат осознанного выбора (поскольку богобоязненность избирают или предпочитают). Значит, страх Божий не является эмоцией в полном смысле этого слова, потому что он не возникает в ответ на какую-либо ситуацию¹⁸.

Но все-таки мы можем считать богобоязненность чувством, поскольку в цитате из Псалтири «реч бо Двѣ работайте Гсѣи съ страхомъ . и радуитеса ѣму с трепетомъ» страх Божий оказывается близок радости, смешанной с трепетом. Эти переживания, как указывает летописец, возникают во время служения Господу: в данном случае глагол *работати* означает «служить, исполнять чью-либо волю; поклоняться, чтить, воздавать культовые почести»¹⁹.

Страх Божий занимает существенное место в «Поучении» Владимира Мономаха. Почти в самом начале «Поучения» читается: «первое Ба дѣла . и дѣла своѣа . страхъ имѣите Бѣи в срѣдци своѣмъ»²⁰. После того, как князь дает множество советов потомкам, он заключает: «Се же вы конецъ всему страхъ Бжѣи имѣите . выше всего»²¹. Две эти фразы в тексте «Поучения» разделены рассказом о встрече Владимира с послами братьев, гаданиями на Псалтири и последующими цитатами из нее, выписками из других источников. Однако, согласно реконструкции А.А. Гип-

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 127–128.

¹⁸ «...эмоция возникает как отклик на конкретный ментальный образ, будь то символ, понятие или мысль...» [Изард 2007, с. 28].

¹⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 21. С. 106. В ПВЛ также рассказывается о подобном страхе ангелов перед Богом: «Бѣ есть на нѣси сѣда на прѣтлѣ . славимъ ѿ ангѣлѣ иже *предстоитъ* ѣму со страхомъ не могуще на нь зрѣти» (Лаврентьевская летопись... Стб. 177). Одно из значений глагола *предстояти*, помимо очевидного «стоять рядом или перед кем-либо», – «служить, прислуживать» [Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18. С. 213]. Подобное описание служения ангелов Богу («предстоитъ ѣму со страхомъ») довольно часто встречается и в других источниках. Вот как, например, об этом сказано в Толковой Палее: «ѣгожъ горѣ страхомъ трепещуть ангѣлѣ» (Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1 / труд учеников Н.С. Тихонравова. М.: Тип. и словолитня О. Гербска, 1892. С. 47).

²⁰ Лаврентьевская летопись... Стб. 241.

²¹ Там же. Стб. 246.

пиуса, рассматриваемые предложения изначально были связаны друг с другом. Как считает ученый, они открывали и замыкали фрагмент «Поучения», который исследователь условно называет «княжеским зеркалом». Оно было посвящено правилам поведения добродетельного князя [Гиппиус 2003, с. 79]. Таким образом, упоминания страха Божьего могут составлять единое композиционное целое в «Поучении»: богобоязненность – это основа праведной жизни, начало и конец всем добродетелям. Также праведному князю полагается подавать милостыню, не совершать убийств, не клясться именем Бога, почитать священнослужителей и старших, любить жену, быть усердным на войне и в управлении своим домом и т. д.²²

Источником для сообщений о страхе Божьем, по мнению А.А. Гиппиуса, мог послужить Изборник 1076 г.:

Поучение	Изборник 1076 г.
первое Ба дѣла . и дѣла своѣа . <i>страхъ имѣйте Бѣи в срдци св оемъ</i> . и млстнѣю твора не wskудну . то бо ѣсть начатокъ всакому добру ²³	<i>страхъ Бѣии имѣи въ срьдци въиноу и памать акы тоу соушта Ба съ тобою</i> ²⁴
Се же вы <i>конецъ всему страхъ Бѣии</i> имѣте . выше всего ²⁵	<i>Коньць же всѣмъ прѣжереченымъ възлюбѣши Га отъ всеа дѣа и страхъ его да пребы(в)ае[тъ] въ срдци твоѣмъ</i> ²⁶

Согласно «Поучению» и его возможному источнику, страх Божий локализуется в сердце. В «Изборнике» первое из рассмотренных сообщений о богобоязненности имеет важное продолжение: «страхомъ же ѣго акы оуздою обрѣти оумъ свои»²⁷.

Теперь перейдем к упоминаниям о страхе Божьем, которые являются частью оригинального текста ПВЛ. Они немногочисленны. Первое такое сообщение встречается в характеристике княжения Владимира Святославича после принятия им христианства: «бѣ бо Володимѣрь любѣ дружину . и с ними думаѣа ѡ строи земленѣ . и ѡ

²² Лаврентьевская летопись... Стб. 245–246.

²³ Там же. Стб. 241.

²⁴ Изборник 1076 года / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. 1. С. 215.

²⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 246.

²⁶ Изборник 1076 года. С. 276–277.

²⁷ Там же. С. 216.

ратехъ и [о] оуставѣ земленѣмъ . и бѣ жива съ князи вколними миромъ (...) живаше же Володимеръ в *страсть Бжѣи*»²⁸. Соответственно, жить «в страхе Божьем» для князя означает любить свою дружину и советоваться с ней, жить мирно с соседями. Сюда же можно отнести милосердие Владимира (его первоначальный отказ казнить разбойников). Таким образом, в анализируемом отрывке выражение «жить в страхе Божьем» обозначает 'вести благочестивый образ жизни'.

Богобоязненность может выражаться не только с помощью выражения «страх Божий», но и глаголом *оустрашитиса*. В «Речи Философа», в описании пути Христа, говорится: «волею бо родисъ . волею взалка . волею вжада . волею трудисъ . *волею оустрашиисъ* . волею оумре . истиною а не мечтаньемъ»²⁹. Глагол *оустрашитиса* здесь, вероятно, можно трактовать как «благоговеть» (ср.: «блажен иже оустрашается всього за говѣнье», Пандекты Антиоха) или «почитать» (ср.: «ни храмовъ устрашающесе Божіих», Псковская I летопись)³⁰. В таком же значении этот глагол встречается в «Поучении» Владимира Мономаха: «и азъ видѣхъ смѣренье снѣ своего сжалихси . и бѣ *устрашихъ*»³¹.

Обобщим наши наблюдения. В большей степени летописец сообщает о страхе Божьем в ПВЛ с помощью цитат, преимущественно из сакральных текстов. Схожая тенденция прослеживается и в «Поучении». Составители ПВЛ, актуализируя важные для них идеи из авторитетных текстов, создали особый летописный образ богобоязненности³². Страх Божий в ПВЛ неразрывно связан с понятием мудрости, процессом познания, тождественным постижению Господа. Богобоязненность – это не обозначение эмоции, а скорее продолжительное состояние или чувство, которое положительно влияет на весь образ жизни человека. Она является результатом осознанного выбора и основой жизни христианина. Собственно, «жить в страхе Божьем» и означает 'вести благочестивый образ жизни'. Кроме того, страх Божий – близкое трепету и радости переживание, возникающее во время службы Господу.

²⁸ Лаврентьевская летопись... Стб. 126.

²⁹ Там же. Стб. 113.

³⁰ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1912. Стб. 1285.

³¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 252.

³² В других древнерусских источниках страх Божий может пониматься иначе. Например, см. в «Толковой Палее»: [Борисова 2020].

Литература

- Адрианова-Перетц 1974 – *Адрианова-Перетц В.П.* К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1974. Т. 28. С. 3–29.
- Антонов 2009 – *Антонов Д.И.* Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 427 с.
- Антонов 2019 – *Антонов Д.И.* Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 312 с.
- Борисова 2020 – *Борисова С.А.* Концепт страха в Толковой Палее // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 5. С. 96–111.
- Вендина 2002 – *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 334 с.
- Воскобойников 2014 – *Воскобойников О.С.* Тысячелетнее царство (300–1300): Очерк христианской культуры Запада. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 562 с.
- Гиппиус 2003 – *Гиппиус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. 2003. Т. 2. № 6. С. 60–99.
- Дзюба 2010 – *Дзюба Е.В.* Особенности содержания концепта «ум» в языке Древней Руси // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 175–187.
- Изард 2007 – *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 464 с.
- Найденова 2013 – *Найденова Л.П.* Понимание «страха Божьего» в русском средневековье // Русский исторический сборник / Ин-т рус. истории; Под. ред. В.В. Грицкова. М.: Кимерийский центр, 2013. Вып. 5. С. 40–48.
- Найденова 2014 – *Найденова Л.П.* Любовь и страх: о характере русской средневековой религиозности // Sub specie historiae culturalis: Сб. памяти А.Л. Ястребицкой / Отв. ред. С.И. Лучицкая. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 274–288.
- Пустовойт 2017 – *Пустовойт Ю.В.* От страха Божия до боязни: семантический диапазон «страха» в памятниках древнерусской письменности // Культурологический журнал. 2017. № 3 (29) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-straha-bozhiya-do-boyazni-semanticheskiy-diapazon-straha-v-pamyatnikah-drevnerusskoy-pismennosti> (дата обращения 14 июля 2022).
- Пушкарёва 1997 – *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.

References

- Adrianova-Peretts, V.P. (1974), "On the question of the reading of Old Russian writer", *Trudy otдела drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 28, Nauka, Leningrad, Russia, pp. 3–29.
- Antonov, D.I. (2009), *Smuta v kul'ture srednevekovoi Rusi: evolyutsiya drevnerusskikh mifologem v knizhnosti nachala XVII veka* [The Time of Troubles in the culture of medieval Rus'. The evolution of Old Russian mythologemes in the book culture of the early 17th century], RGGU, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. (2019), *Tsari i samozvantsy: bor'ba idei v Rossii Smutnogo vremeni* [Tsars and impostors. Struggle of ideas in Russia in the Time of Troubles], RGGU, Moscow, Russia.
- Borisova, S.A. (2020), "The concept of Fear in Tolkovaya Paleya" (The Explanatory Palea) // *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 96–111.
- Dzyuba, E.V. (2010), "The features of the content of the concept 'mind' in the language of Ancient Russia", *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, no. 3 (79), pp. 175–187.
- Gippius, A.A. (2003), "Works of Vladimir Monomakh. An essay on textological reconstruction. I" // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, vol. 2, no. 6, pp. 60–99.
- Izard, K.Eh. (2007), *Psikhologiya ehmosii* [The psychology of emotions], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Naidenova, L.P. (2013), "Understanding the 'fear of God' in the Russian Middle Ages", Gritskova, V.V. (ed.), *Russkii istoricheskii sbornik* [Russian historical collection], no. 5, Kimeriiskii tsentr, Moscow, Russia, pp. 40–48.
- Naidenova, L.P. (2014), "Love and fear. On the character of Russian Medieval religiosity", in Luchitskaya, S.I. (ed.), *Sub specie historiae sulturalis: Sbornik pamyati A.L. Yastrebitskoi* [Sub specie historiae sulturalis. Collection dedicated to the memory of A.L. Yastrebitskaya], IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 274–288.
- Pustovoi, Yu.V. (2017), "From the Fear of God to anxiety. The semantic range of 'fear' in the monuments of Old Russian literature", *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 3 (29), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-straha-bozhiya-do-boyazni-semanticheskiiy-diapazon-straha-v-pamyatnikah-drevnerusskoy-pismennosti> (Accessed 14 July 2022).
- Pushkareva, N.L. (1997), *Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zheni, lyubovnitsa (X – nachalo XIX)* [Private life of a Russian woman. Bride, wife, mistress (10th – early 19th century)], Ladomir, Moscow, Russia.
- Vendina, T.I. (2002), *Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavianskogo yazyka* [Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language], Indrik, Moscow, Russia.
- Voskoboinikov, O.S. (2014), *Tysyacheletnee tsarstvo (300–1300): ocherk khristianskoi kul'tury Zapada* [The Millennial kingdom (300–1300). Essay on the Christian culture of the West], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана А. Борисова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sa-borisowa@yandex.ru

Information about the author

Svetlana A. Borisova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sa-borisowa@yandex.ru